

Проблемы методологии оценки теневой экономики

Печерица Е. В., Оробченко Д. М. *

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *unecon@orobchenko.ru

РЕФЕРАТ

Исследование охватывает анализ методологии и данных Росстата о «теневой экономике» России. Мы исследуем возможные недостатки в трактовке трех групп показателей: корректировок на экономические операции, не наблюдаемые прямыми методами; скрытой оплаты труда; занятости в неформальном секторе и занятости без регистрации и оформления. Ненаблюдаемая прямыми статистическими методами и нерегулируемая экономика охватывает значительную часть хозяйственной жизни страны. Официальные статистические данные американской системы национальных счетов времен Великой депрессии подчеркивают необходимость адекватных, полных и гармонизированных оценок теневой деятельности. Используя архивные данные и микроданные обследований Росстата, мы показываем, что расхождения в ревизиях (винтажах) официальных оценок могут превышать десять процентов ВВП. Корректировки валовой добавленной стоимости, используемые Росстатом, вне синхронного анализа национальных счетов, не соответствуют целям сопоставимости и гармонизации. Оценки скрытой оплаты труда крайне ограничены в части объяснительной и прогностической ценности. Оценки неформальной занятости, предложенные статистическим ведомством, фактически полностью совпадают с оценками занятости в неформальном секторе. Последние, в свою очередь, не отражают характер теневой экономики, так как опираются на производственный критерий. Мы полагаем, что менее популярные в литературе оценки занятости без оформления документов и (или) занятости без оформления самозанятости более пригодны для анализа динамики и структуры теневых практик. Однако использование подобных оценок осложняется закрытостью материалов обследований рабочей силы. Так, Росстат располагает непубличными оценками заявленной численности наемных работников, чьи работодатели уклоняются от уплаты налогов и сборов, а также данными о численности самозанятых, занимающихся предпринимательской деятельностью без регистрации, но не публикует их. Мы подчеркиваем необходимость разработки унифицированного подхода для повышения гармонизации и сопоставимости как национальной, так и международной статистики.

Ключевые слова: теневая экономика, ненаблюдаемая экономика, скрытая оплата труда, корректировки ВДС, занятость в неформальном секторе, винтажные данные Росстата

Для цитирования: Печерица Е. В., Оробченко Д. М. Проблемы методологии оценки теневой экономики // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 42–62.

Methodological Issues in Shadow Economy Estimation

Elena V. Pecheritsa, Daniil M. Orobchenko *

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; *unecon@orobchenko.ru

ABSTRACT

The study covers an analysis of Rosstat's methodology and data on Russia's "shadow economy". We explore potential shortcomings in the interpretation of three groups of indicators: adjustments for economic operations not observed by direct methods; unrecorded wage payments; employment in the informal sector and unregistered/undocumented employment. The economy unobserved by direct statistical methods and unregulated covers a significant part of the country's economic life. The official statistical calculations of the American system of national accounts during the Great Depression reflect the need for adequate, complete, and

harmonized estimates of shadow activities. Using archival data and microdata from Rosstat surveys, we show that discrepancies in revisions (vintages) of official estimates can lead to significant divergences, reaching tens of percentage points of GDP. The adjustments to gross value added used by Rosstat, without a synchronous analysis of national accounts, do not meet the goals of comparability and harmonization. Estimates of unrecorded wage payments are extremely limited in terms of explanatory and prognostic value. Finally, the estimates of informal employment proposed by the statistical agency virtually fully correspond to estimates of employment in the informal sector. The latter, in turn, do not reflect the nature of the shadow employment economy, as they rely on the production criterion. As we believe, the less popular in the literature estimates of undocumented employment and/or unregistered self-employment are more suitable for assessing the dynamics and structure of shadow practices in Russian employment. The use of such estimates is complicated by the closed nature of labor force survey materials. Thus, Rosstat holds non-public estimates of the number of employees whose employers evade taxes and contributions, as well as data on the number of self-employed individuals engaged in unregistered entrepreneurial activities, but does not publish this information. We emphasize the need to develop a unified approach to enhance the harmonization and comparability of both national and international statistics.

Keywords: shadow economy, unobserved economy, unrecorded wage, informal work, GVA adjustments, employment in the informal sector, Rosstat vintage data

For citing: Pecheritsa E. V., Orobchenko D. M. Methodological Issues in Shadow Economy Estimation // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 42–62.

Введение

Исследование теневой экономики предполагает междисциплинарный подход, включающий несколько научных областей. Каждая из этих областей применяет свои уникальные концептуальные и методологические инструменты¹. В зависимости от выбранной для анализа методологии формулируются различные оценки масштабов и природы теневой экономики. За исключением криминологических и, возможно, правовых аспектов, все остальные теоретические основы исследований предполагают использование экономической статистики или социологических данных.

Гипотеза о возможности достоверной оценки теневой экономики в рамках экономической статистики многократно пересматривалась. В ранних версиях национальных счетов, разработанных группой С. Кузнеця, учет незаконных видов деятельности в национальном доходе отвергался на основании того, что это соответствует «выражению общественного мнения, закрепленного в законодательстве страны» [31, с. 5]. Однако во второй и третьей редакциях руководства Системы национальных счетов (СНС) 1953 г. было предложено включение отдельных производственных видов деятельности, таких как черные рынки, в национальные счета. В последующей версии СНС-1968 (известной как «синяя книга») это положение было исключено. Современные исследователи отмечают, что исключение из учета незаконной продукции и незаконных условий производства оказалось непродуктивным шагом, значительно снизившим потенциал показателей СНС. Так, Р. Соловейчик отмечает, что в период действия сухого закона до 22% расходов на питание домашних хозяйств приходилось на алкогольную продукцию [32]. Расходы, равно как и производство алкоголя, были

¹ В литературе представлен широкий спектр концептуальных подходов к изучению теневой экономики. Одним из наиболее всеобъемлющих является комплексный (интегративный) подход, охватывающий исследование как криминальных, так и некриминальных сегментов этой экономики [16]. Международный опыт в области статистической оценки «ненаблюдаемой экономики» также предполагает разграничение между ее законными и незаконными аспектами [2; 9]. В этой работе теневая экономика рассматривается в рамках комплексного подхода.

целенаправленно исключены из национальных счетов. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что реальный ВВП в период сухого закона мог быть на 3,3–3,5% выше. Следовательно, оценки роста ВВП США в 1934 г., после отмены сухого закона, могут быть существенно завышены.

С другой стороны, в 1970-е гг. экономики западных стран столкнулись с энергетическим кризисом и стагнацией. Общество требовало ответов, и предположение П. Гутмана [30] о значительной (порядка 9,4%) нелегальной (англ. *illegal*) и неучтенной экономике широко разошлось в СМИ. Тем не менее руководство Бюро экономического анализа, ответственного за ведение национальных счетов, утверждало, что в силу инструментария корректировок более вероятно завышение ВВП США, чем недооценка [27]. Директор Бюро К. Карсон отмечала, что совокупная нерегистрируемая деятельность не может превышать 3% ВВП [28, с. 117]. Но уже в обновленной версии СНС 1993 г., подготовленной в том числе под руководством Карсон, отдельно оговаривался учет незаконных действий (параграфы 3.54–3.56), «скрытого производства» (англ. *concealed production*) и «неформального сектора». Со временем многие аспекты этих концепций были интегрированы в более широкую категорию «ненаблюдаемой экономики», которая была окончательно закреплена в «Руководстве по измерению ненаблюдаемой экономики» [10]. К моменту принятия СНС-2008¹ большинство развитых стран в той или иной форме внедрили учет ненаблюдаемой экономической активности в свои национальные счета [33; 34]. Однако даже в рамках наиболее передовых подходов «исчерпывающего охвата» Евростата оценки «ненаблюдаемой экономики» значительно варьируются² в зависимости от используемых методов (рис. 1). Как подчеркивает А. Фернандес, между оценками стран ЕС нет единства ни в подготовке первичных данных корректировок, ни в конкретных методиках и алгоритмах распределения корректировок по секторам экономики [29].

Российские исследователи последние десятилетия активно обсуждали проблемы статистической оценки теневой экономики. В их работах поднимались вопросы моделирования и уточнения границ официальной статистики [18], применения актуальных методов оценки с учетом задач государственного управления [1], анализа статистических расхождений [24], пересчета оценок на основе официальных статистических выкладок с поправкой на мнение экспертов [6], использования конъюнктурных обследований [5] и разработки собственных методик, включая региональные подходы [25; 26]. Отдельное внимание уделялось вопросам расчета скрытой занятости [4], статистической типологизации рынков аддитивных благ [21], обоснованной критики в достоверности официальной статистики [17, с. 76–81], роли социологических данных [24], использованию данных мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ как альтернативы оценкам Росстата [3] и перспективам оценок в рамках ФСГС [13], включая оценки нелегальной деятельности [2; 11].

¹ Черновой вариант СНС-2025 и седьмая редакция Руководства по платежному балансу (РПБ) вводят дополнительное понятие «неформальной производственной деятельности» (англ. *informal productive activities*), основанное на концепции «неформальной экономики», принятый на 21-й Международной конференции статистиков труда. В то время как Международная организация труда (МОТ) исключает нелегальную (англ. *illegal*) и неэтичную/незаконную (англ. *illegality*) деятельность, РПБ и СНС-2025 рекомендуют включать эти виды деятельности в оценки ВВП. Предполагается, что обследования рабочей силы (ОРС) станут ключевым источником данных для оценки «неформальной экономики» в определении МОТ [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/snaupdate/2025/2025SNA_CN39_V11.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

² В частности, использование метода «суммирования доходов» (англ. *income approach*) и «производственного метода» (англ. *production approach*) в Румынии давало на 2013 г. корректировку на 33,1% ВВП, а метод «конечного использования» (англ. *expenditure approach*) давал лишь 13,2% ВВП.

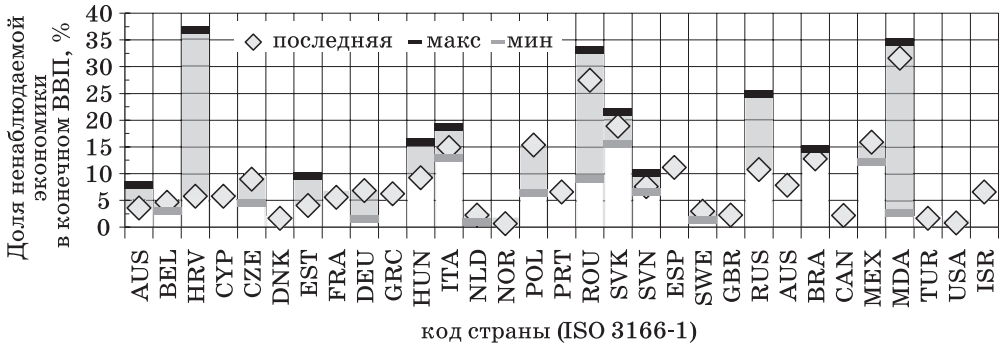

Рис. 1. Доля ненаблюдаемой экономики в конечном ВВП¹
Fig. 1. Share of the non-observed economy in GDP

¹ Рассчитано на основе данных инвентаризации ВНД, опубликованных в системе CIRCABC ([Электронный ресурс]. URL: <https://circabc.europa.eu/ui/group/7eb29b7b-33b0-4c9f-851b-e370277bb9e5>), материалах А. Фернандес [29], ОЭСР [34], ЕЭК ООН [35], данных Росстата по произведенному ВВП. Период отчетности 2007–2020 гг., исключение составляют страны: Соединенное Королевство (2005), Австралия (2001), Бразилия (1996–2003), Молдова (1998–2002), Турция (1995–2005), США (1992, 1997).

Несмотря на значительную практическую и теоретическую базу, отечественные исследователи, используя ряд официальных оценок Росстата, часто игнорируют методологическую основу этих оценок и специфику их пересмотра. В данной работе мы демонстрируем существенные аспекты трех популярных оценок «теневой экономики»¹, показываем влияние методологии и ревизии оценок на их адекватное приложение, а также предлагаем альтернативный подход к теневой занятости на основании данных Росстата.

Мы полагаем, что существующие методологические подходы, внедренные Росстатом, ведут к значительным искажениям в понимании объема и структуры «теневой экономики». Кроме того, вольное использование таких оценок исследователями может существенно ухудшить качество и достоверность их выводов для целей разработки, реализации, мониторинга и анализа макроэкономической и социальной политики.

Методы

Мы анализируем различные ревизии официальных оценок Росстата с целью определения диапазонов вариации выбранных показателей. Мы также исследуем, как разные версии этих оценок влияют на разброс выводов о «теневой экономике» на региональном уровне. Для демонстрации потенциальных методологических сложностей, снижающих адекватность сравнений как во временном аспекте, так и в международном контексте, мы анализируем официальные методологии Росстата и международные рекомендации по аналогичным показателям. Кроме того,

¹ Существуют и другие статистические показатели, которые используют российские исследователи, например: налоговые недоимки, статистика преступности, статистика «оттока/ввоза капитала частным сектором» (в современной редакции ЦБ «финансовые операции частного сектора») и т. д. Наше исследование ограничивается данными Росстата. В частности, из приказа Росстата от 07.12.2018 № 732 следует, что корректировки статистических показателей для информирования широкого круга пользователей могут трактоваться как показатель «теневой экономики».

мы сравниваем официальный показатель занятости в неформальном секторе с рядом возможных альтернативных оценок, рассчитанных по микроданным обследований рабочей силы (далее — ОРС).

Результаты и обсуждение

Федеральная служба статистики не публикует официальные оценки «теневой экономики»¹, однако Статкомитет СНГ предоставляет данные о «доле ненаблюдаемой и теневой экономики в ВВП». Этот показатель, как правило, близок к оценке «теневых операций юридических лиц», публикуемой в рамках корректировок валовой добавленной стоимости (ВДС)². Мы считаем, что корректировки НДС на ненаблюдаемую экономику представляют собой наилучшее приближение к официальной оценке неформальной и теневой экономики. В актуальной (второй за 25 лет³) публичной редакции методологии, утвержденной приказом Росстата от 21.12.2023 № 676, определяются подходы к оценке ненаблюдаемой экономической деятельности, включающей законное, но намеренно скрываемое от государственных органов «теневое производство» (состоит из «теневых операций юридических лиц» и «скрытого производства индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица»), а также «неформальную деятельность» некорпорированных предприятий, *за исключением деятельности индивидуальных предпринимателей*⁴. Методология фиксирует, что «незаконная деятельность» не учитывается при расчетах ВВП России, хотя она включена в концептуальную базу ненаблюдаемой экономики. Следует отметить, что разделы ОКВЭД 2: «деятельность экстерриториальных организаций и органов» (раздел U) и «государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» (раздел O) исключены из

¹ Государственный комитет СССР по статистике в 1990 и 1991 гг. опубликовал официальную статистическую оценку «теневой экономики» [22, с. 127].

² Например, в статистическом бюллетене «Статистика СНГ» [23], где «теневая экономика» России оценивается в 3,6% на 2020 и 2,8% на 2021 г. Аналогичные оценки публикует и Росстат. На наш запрос Служба не смогла пояснить источник данных, тождественность концептуальных границ и методологию показателей, опубликованных Статкомитетом СНГ и Росстатом.

³ Ранее действовало Постановление Госкомстата РФ от 31.01.1998 № 7, утверждающее «Основные методологические положения по оценке скрытой (неформальной) экономики», но его подходы в связь с последующими оценками НДС неясны. Кроме того, отметим, что во втором томе «Методологических положений по статистике» (1998 г.) Госкомстат предлагал методологию определения общего объема промышленного производства с учетом оценки скрытой и неформальной деятельности [14].

⁴ Из методологии следует, что на концептуальном уровне Росстат включает в неформальную деятельность «производственную деятельность сектора «Домашние хозяйства», за исключением деятельности индивидуальных предпринимателей». Однако в системе национальных счетов России деятельность индивидуальных предпринимателей обычно включается в деятельность сектора «Домашние хозяйства». Росстат также включает в категорию «неформальной экономической деятельности» предпринимательскую деятельность граждан без образования юридического лица или на индивидуальной основе, вне зависимости от того, имеют ли они государственную регистрацию в качестве предпринимателя. Однако существует разрыв между этой концепцией и практическими методиками. Например, методология включает в «неформальную деятельность» домашних хозяйств «производство товаров и услуг как для рыночной продажи, так и для *собственного конечного использования*», но на стадии подсчета учитывается только для рыночной продажи. Оценки ненаблюдаемой экономики по разделам F «Строительство» и G «Торговля оптовая и розничная» предполагают включение затрат индивидуальных предпринимателей в неформальную деятельность, но объем выпуска скрытого производства индивидуальных предпринимателей не учитывается.

оценок ненаблюдаемой деятельности¹. Для оценки экономической деятельности с учетом ее специфики используются отдельные методики.

Публикация оценок корректировок произведенного валового внутреннего продукта (т. е. валовой добавленной стоимости) осуществляется Росстатом за отчетный период с 2002² по 2016 г. в разрезе ОКВЭД 2007, а с 2017 г. — по ОКВЭД 2³. Первые оценки ВДС за предыдущий год, включая корректировки на «экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами», как правило, публикуются в первой декаде февраля, вторая оценка — в первой декаде апреля, а третья — в третьей декаде декабря⁴. Анализ последних показывает, что в настоящее время подобная корректировка оценок, как правило, не превышает 1% ВВП. Однако структура ненаблюдаемых операций остается подвижной. Например, Росстат снизил оценку теневых операций юридических лиц на 2020 г. для разделов N и G на 2,1 процентных пункта.

Различия в оценках за более ранние годы могут превышать 4% ВВП (рис. 2). В частности, для 2010–2013 гг.⁵ эти расхождения варьировались от 3,3 до 4,4% ВВП. В деталях этот пересмотр предполагал перерасчет неформального сектора на дополнительные 5%, включая введение постфактум раздела Р «Деятельность домашних хозяйств»⁶. Вероятно, столь серьезные расхождения частично связаны с переходом на ОКВЭД 2, хотя это не объясняет всех аномалий. Значительные корректировки были проведены, например, для 2004 г., когда в первоначальной ревизии сборника «Национальные счета России в 2001–2008 гг.» (опубликован в 2009 г.) корректировка ненаблюдаемых операций составляла 19,3% итогового ВВП, а в сборнике 2010 г. — 17,2%. По разделу G (оптовая и розничная торговля) за 2010 г. первоначальная корректировка в 30,4% была снижена до 12,4% ВДС. В этот же год корректировка по разделу H (гостиницы и рестораны) была снижена с 46 до 25,4%⁷. По разделу K (операции с недвижимым имуществом) за 2011 г. первоначальная корректировка составляла 34% ВДС, включая 17,6% на теневые операции и 16,4% на неформальный сектор экономики, однако в последующих редакциях эти значения изменились до 10,2 и 42,5% соответственно.

¹ На 2003 г. по разделу L (государственное управление) Росстат оценил корректировку в 0,01% ВДС раздела. См. базу данных ВДС годы ОКВЭД 2007 (с 2002 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 15.11.2024).

² В материалах сотрудников Госкомстата/Росстата отмечается, что оценки ненаблюдаемой экономики для целей корректировки производились по крайней мере для 1998 г. [20], например, см. доклад главы Госкомстата В. Л. Соколин [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2000/19.r.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

³ На наш запрос Росстат отметил, что данные ВДС публикуются в разрезе ОКВЭД 2 с 2011 г. на официальном портале. На момент подготовки данного материала на портале Росстата доступен файл в редакции от 05.04.2024, который не содержит данных о корректировках на 2023 г. Актуальная редакция и архивные публикации Росстата не содержат оценок корректировки ВДС по ОКВЭД 2 за 2011–2016 гг. Мы демонстрируем, что затянувшийся процесс перехода на ОКВЭД 2 привел к серьезным расхождениям в оценках корректировок на период с 2010 по 2013 г.

⁴ См. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р.

⁵ Портал Росстата и сб. «Национальные счета России» за периоды 2005–2012, 2006–2013, 2007–2014 гг. в сравнении со сб. «Национальные счета России в 2004–2011 гг.».

⁶ Верхняя оценка корректировки по данному разделу на 2010 г. составляла 74,6% ВДС в редакции сб. 2012 г. В последующих сборниках вклад раздела сведен к 0%.

⁷ При этом корректировка на 2011 г. по разделу, согласно сб. 2013 г., включала корректировку на теневые операции в 17,6% и неформальную экономику в 18% ВДС по разделу. В редакции сб. 2014 г. и последующих годов корректировка составляет примерно 17% на теневые операции и 1% на неформальный сектор экономики.

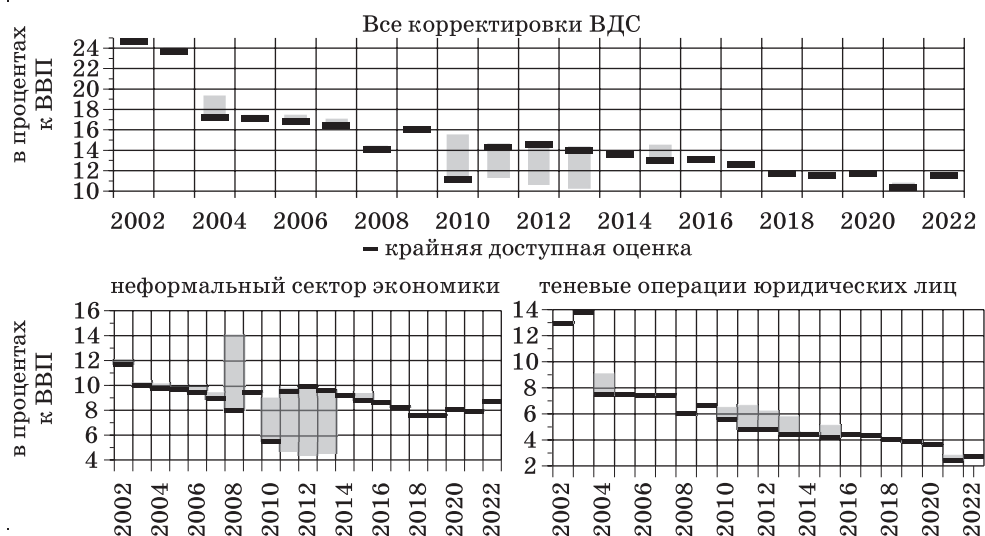

Рис. 2. Диапазон винтажных данных корректировок ВДС¹
Fig. 2. Range of vintage data for GVA adjustments

¹ Пересмотр 2008 г., по всей видимости, связан с явной опечаткой в сб. 2011 г.

Пересмотру подверглись и «базовые» сектора экономики. Диапазоны оценок обрабатывающего производства и операций с недвижимым имуществом представлены на рис. 3. Другие разделы ОКВЭД также подверглись пересмотру более чем на 5% ВДС, включая разделы О (предоставление прочих услуг) в 2010–2013 гг., А (сельское хозяйство) за 2010–2015 гг. и F (строительство) за 2005, 2010–2013 гг.

В контексте оценки «теневой экономики» ключевую роль играют показатели «ненаблюдаемой экономики», разбитые в том числе по разделам ОКВЭД. Эти показатели, отражающиеся в относительных объемах произведенного ВВП (ВДС), концептуально наиболее близки к международному пониманию «теневой экономики» (англ. shadow economy), т. е. к законной деятельности, которая по тем или иным причинам не регулируется государством. Однако существует ряд ограничений и проблем, связанных с отсутствием единой методологии их оценки, включая разнообразие подходов и значительные пересмотры. Оценки «ненаблюдаемой экономической деятельности» в разрезе ОКВЭД за разные периоды могут быть лишь условно сопоставимыми, так как часто строятся на основе существенно отличающихся методик расчета.

Методология корректировок ВДС не позволяет изучать «теневую экономику» в региональном разрезе¹. Тем не менее некоторые авторы предпринимали попытки экстраполировать федеральные оценки ненаблюдаемой деятельности на уровень субъектов РФ. Например, прямую экстраполяцию предлагают Е. Н. Невзорова, А. П. Киреенко и И. А. Майбуров [15]. В свою очередь В. А. Самсонов и С. К. Сеитов используют комплексный подход [19]. Исследования Невзоровой и других охватывают период с 2004 по 2017 г., а Самсонова и Сеитова — с 2010 по 2016 г. Оба исследования включают 2010–2013 гг., когда расхождения между

¹ Как отмечает Ю. С. Зайцева, ненаблюдаемая экономика включается в расчеты ВРП с 1997 г. [7, с. 91]. Сотрудниками ФСГС осуществляются неофициальные оценки вклада ненаблюдаемой экономики в ВРП, например [12].

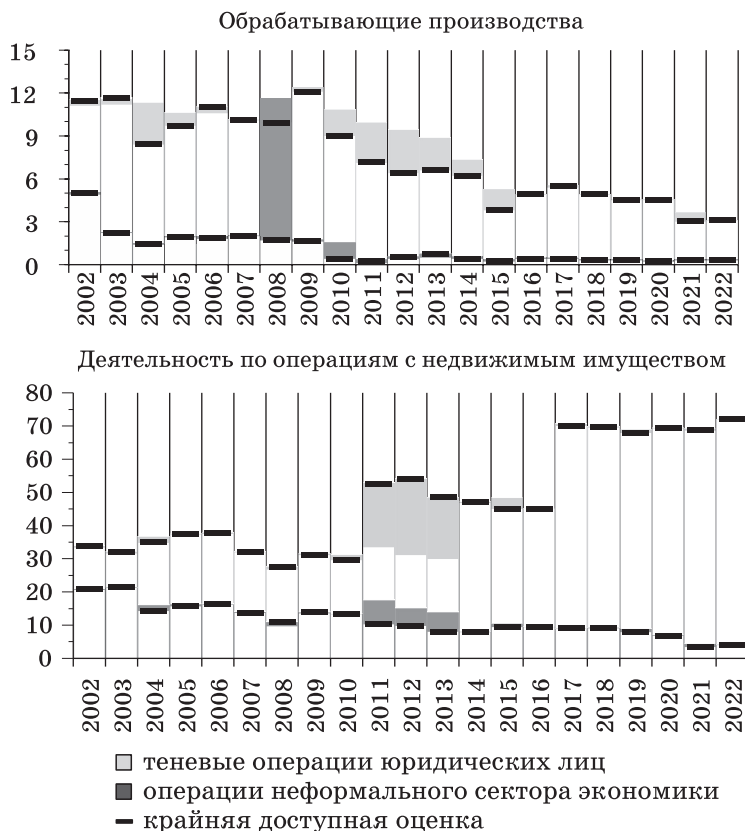

Рис. 3. Диапазон винтажных данных отдельных видов деятельности
Fig. 3. Range of vintage data for various types of activities

ревизиями корректировок достигали 4,4% ВВП. Важно отметить, что на переосмотры оценки ненаблюдаемой экономики накладываются также переосмотры структуры экономики (в разрезе ОКВЭД), что в некоторых случаях приводит к расхождениям более 4% на федеральном уровне и до 20% валового регионального продукта (ВРП) на уровне субъектов.

Одним из ключевых индикаторов «теневой экономики» является показатель «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами». Методология, утвержденная приказом Росстата от 18.05.2023 № 233, предполагает учет ненаблюдаемых доходов, рассчитываемых «в совокупности балансовым путем как разница между суммарными расходами на все нужды домашних хозяйств, включая прирост их финансовых активов за минусом обязательств, и формально зарегистрированными доходами»¹. Этот показатель включает «ненаблюдаемую оплату труда и смешанные доходы», рассчитываемых «в совокупности балансовым путем как разница между суммарными расходами на все нужды домашних хозяйств, включая прирост их финансовых активов за минусом обязательств, и формально зарегистрированными доходами», при этом «показатель оплаты труда и смешанных доходов, ненаблюдаемых прямыми статистическими методами, включает: ненаблюдаемую оплату труда и смешанные доходы,

¹ Следует из методологических комментариев Росстата.

рассчитываемые на основе баланса; оплату труда домашних работников»¹. Показатель представлен только на федеральном уровне, без детализации по видам деятельности или регионам². Годовые оценки оплаты труда и доходов, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, публикуются Росстатом в сборниках и консолидированных счетах в абсолютных значениях, а квартальные — в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС).

Равно как и оценки корректировок ВДС, показатель скрытой оплаты труда подвергается частым ревизиям. В ряде случаев пересмотр оценок не сопровождался синхронными изменениями во всех счетах (рис. 4). Так, пересмотр скрытой оплаты на 2006 г. не повлек изменения оценок ВВП и совокупного итога по разделу «оплата труда наемных работников», включающего скрытую оплату. В то же время пересмотр на 2008 г. предполагал минимальные изменения оценок скрытой оплаты при серьезных корректировках совокупной оценки оплаты труда. Объемные пересмотры касаются 2019 г., где актуальная оценка Росстата на 32% меньше первоначальной.

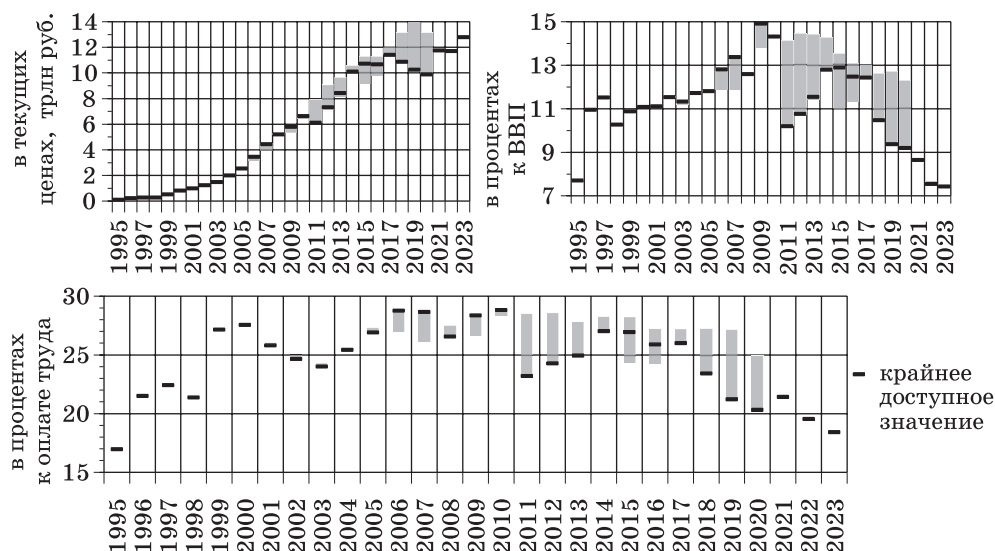

Рис. 4. Диапазон винтажей оценок скрытой оплаты труда
Fig. 4. Range of vintage data on unrecorded wage

¹ На наш запрос Росстат сообщил, что данные по показателям размещены на портале ЕМИСС: рубрика «1.2.1. Консолидированные счета за предыдущий год в текущих ценах» — показатель «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами, рассчитанные на основе баланса» (регулярность квартал); рубрика «1.2.3. Информация о формировании валового внутреннего продукта Российской Федерации по источникам доходов» — показатель «оплата труда наемных работников» раздел Т «Деятельность домашних хозяйств».

² Ряд авторов ссылаются на существование региональных оценок от Росстата. Например, Н.В. Зубаревич пишет, что «доля «других доходов» (т.е. скрытой заработной платы)» различается по регионам [8, с. 75–78]. На наш запрос Росстат ответил, что «ненаблюдаемая оплата труда и смешанные доходы [в публикациях ранее 2015 г. показатель назывался «скрытая оплата труда и смешанные доходы»] в методологии Национальных счетов на региональном уровне не рассчитываются из-за отсутствия полного набора необходимой информации». Отметим, что показатель «другие [денежные] доходы»/«другие выплаты»/«прочие денежные поступления» действительно публикуется некоторыми региональными управлениями Росстата. Однако публикации по данному показателю весьма фрагментарны. Например, Управление Росстата по Татарстану публикует оценки в части статистики денежных доходов «без скрытой (официально не учтенной) заработной платы», а Петростат — «включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату».

Наконец, Росстат публикует оценки численности занятых в неформальном секторе (англ. *employment in the informal sector*). Эта статистика официально публикуется и в разрезе ОКВЭД, и в региональном разрезе. Однако данный показатель рассчитывается Росстатом с использованием производственного подхода. В статистике труда и обследования рабочей силы (ОРС)¹ в «неформальный сектор» включаются все зарегистрированные и незарегистрированные индивидуальные предприниматели, а также наемные работники, занятые у индивидуальных предпринимателей и (или) других граждан². Однако в число лиц, занятых в неформальном секторе, не включаются работники, нанятые любыми юридическими лицами, в том числе занятые эпизодически от случая к случаю и (или) оформленные по устной договоренности, без оформления документов, и (или) получающие оплату продуктами или товарами³. Кроме того, в указанные границы не входят занятые в производстве домашних хозяйств для собственного конечного потребления, но входят занятые для целей продажи.

Хотя эти методологические подходы соответствуют международным стандартам в части занятости в неформальном секторе⁴, для идентификации неформальной занятости (англ. *informal employment*) используются другие критерии: факт выплаты работодателем взносов на социальное страхование; наличие письменного контракта; доступ к оплачиваемому отпуску и больничному. Росстат также оценивает «неформальную занятость в несельскохозяйственном секторе» в рамках Целей устойчивого развития ООН⁵. Методология этого показателя

¹ См. Приказ Росстата от 29.12.2023 № 707 «Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

² См. Приказ Росстата от 31.12.2020 № 869 (ред. от 22.09.2023).

Микроданные ОРС свидетельствуют, что на 2023 г. из 13 444 тыс. занятых в неформальном секторе (по критериям, частично пересекающимся) примерно 34% заняты в связи со статусом самозанятого или индивидуального предпринимателя (ИП), 59% — как наемные работники ИП и физических лиц, и лишь 9% — в собственном домашнем или личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) с целью получения дохода. Из 4 087 тыс. занятых на основном месте работы индивидуальной предпринимательской деятельностью, не менее 26% указывают наличие статуса самозанятого, а не менее 44% — зарегистрированного ИП. Кроме того, из 8 018 тыс. занятых у ИП или физических лиц, не менее 68% уверены в том, что работают на основании письменного трудового договора. Таким образом, на зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и их официально оформленных работников может приходиться более 61% занятых в неформальном секторе. Отметим, что Федеральная налоговая служба «видит» на 2023 г. больше действующих ИП (4,1 млн), но меньше их оформленных работников (3,4 млн).

³ Численность подобных неформальных занятых можно оценить используя, например, вопросы VRDG, TIP_DG (ранее ZAN_DG), ZP7, VZNOS анкеты ОРС.

⁴ По данным МОТ, существует до пяти основных критериев для идентификации неформального сектора. Принадлежность к институциональному сектору (этот критерий использует Росстат) применяют порядка 66% опрошенных МОТ стран (см. ILO. Room document: 2 Country practices for measuring informal sector and informal employment ICLS/21/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/meetingdocument/wcms_894153.pdf) (дата обращения: 15.11.2024). В отчете МОТ «Women and men in the informal economy: A statistical picture. Third edition» для России использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ). Росстат ответил на наш запрос о причинах использования данных ВШЭ следующее: «Согласно п. 2.10.10 ФПСР в соответствии с вопросниками для Ежегодника МОТ Росстатом предоставляется статистическая информация по статистике труда, полученная по итогам ОРС. Статистическая информация в перечисленных публикациях формируется по итогам ОРС, иные базы данных для расчетов не используются».

⁵ Показатель был введен в качестве индикатора ЦУР резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 и заменен резолюцией E/CN.3/2020/2 на показатель «Доля неформальной занятости от общей занятости в разбивке по сектору и полу». Росстат не пересматривает подобную разбивку показателя в своих публикациях.

неясна¹, и, по всей видимости, данный показатель в статистике Росстата является вариацией показателя «занятости в неформальном секторе» и не может трактоваться как индикатор неформальной занятости. Последний включает в себя занятых: в домохозяйствах, производящих товары для собственного конечного потребления; иных неформальных работников вне неформального сектора, в том числе неформальных работников реального сектора. Кроме того, данный показатель рассчитывается только на федеральном уровне с разбивкой только по полу. Следует отметить, данный показатель (как и основные показатели труда) практически не пересматривается Росстатом со временем. Некоторые изменения фиксировались только до 2010 г. и на 2022 г., что было связано с проведением Всероссийской переписи населения (ВПН), рис. 5.

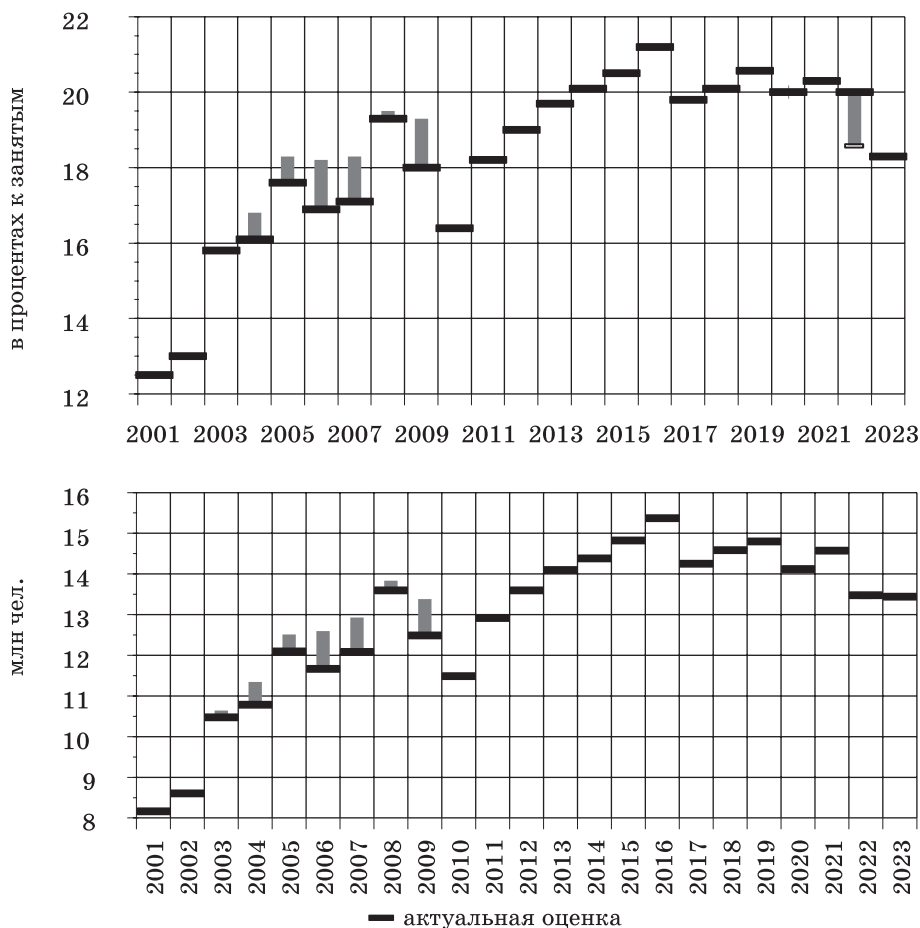

Рис. 5. Диапазон винтажных данных численности занятых в неформальном секторе
Fig. 5. Range of vintage data on employment in the informal sector

¹ Из методологических комментариев Росстата, размещенных в ЕМИСС, следует, что показатель «рассчитывается как отношение численности занятых в неформальном секторе экономики к общей численности занятого населения (во всех видах экономической деятельности, за исключением сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства рыболовства и рыбоводства)».

Таким образом, границы занятости в неформальном секторе (с учетом российской специфики) пересекаются лишь частично с общепринятыми представлениями о теневой экономике. В статистике труда Росстат включает в «неформальный сектор» зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, которые полностью соблюдают законодательство и предоставляют всю необходимую отчетность. Однако концептуальные различия между определениями неформального сектора в трудовой статистике и в статистике национальных счетов вызывают значительные расхождения. Например, из статистики доходов (при формировании ВВП по источникам доходов) и корректировок на ненаблюдаемую экономику (при формировании произведенного ВВП) из «неформального сектора» и, следовательно, сектора домашних хозяйств целенаправленно исключена деятельность индивидуальных предпринимателей, адвокатов и нотариусов, тогда как в статистике труда их деятельность учитывается. В то же время в статистике труда исключена деятельность домашних хозяйств для собственного использования. Эти расхождения порождают необходимость в методологическом обосновании, которое на данный момент не представлено.

Красочным примером является деятельность гостиниц и предприятий общественного питания¹, до 2011 г. корректировки ВДС на операции неформального сектора были более-менее сопоставимы с долей занятых в неформальном секторе. Однако после 2011 г. официально регистрируемая доля занятых в неформальном секторе значительно превышает их вклад в добавленную стоимость. На 2021 г. при 32% занятых в неформальном секторе в сфере гостиниц и общественного питания² их вклад в добавленную стоимость составил лишь 0,4% (рис. 6). Такое абсурдное положение дел объясняется тем, что в статистике труда индивидуальные предприниматели включаются в неформальный сектор, а в статистике ВДС они исключаются из него.

Ранее мы отмечали, что черновой вариант СНС-2025 и РПБ-7 предполагает введение категории «неформальной экономики» (в соответствии с определением МОТ). Подчеркивается, что новая категория отличается от категории «ненаблюдаемой экономики» в цели и задачах. Полагаем, что актуальная версия ОРС предоставляет некоторые первичные данные для оценки этой новой категории. Так, в рамках ОРС Росстат собирает и обрабатывает данные о численности занятых на основании устных договоренностей (без оформления документов), а также о численности уклоняющихся от регистрации самозанятых. Первый показатель в агрегированной форме доступен в официальных сборниках Росстата, а также в расширенном формате в материалах итогов обследования рабочей силы (рис. 7). Кроме того, современная анкета ОРС Росстата предполагает вопрос об условиях удержания налогов и сборов. В частности, вопрос «VZNOS»³ гипотетически позволяет оценить численность наемных работников, чей работодатель уклоняется от уплаты налогов. К сожалению, на наш запрос Росстат сообщил, что показатели «не публикуются и не предоставляются пользователям, а используются только для формирования агрегированных переменных ST_TVP, ST_RISK, ST_TRUD». В свою очередь, Белстат в ответ на наш запрос предоставил данные 10-процентной микровыборки: 5386 наблюдений, 3365 занятых ре-

¹ До 2016 г. включительно использовались данные в разрезе ОКВЭД 2007 по разделу «Гостиницы и рестораны», так как статистика корректировок на ненаблюдаемую экономику по ОКВЭД 2 доступна только с 2017 г.

² Показатель доли занятости в неформальном секторе относительно всех занятых по разделу рассчитан нами. На наш запрос Росстат подтвердил корректность расчетов.

³ Формулировка вопроса ОРС: «Как Вы думаете, Ваш работодатель делает налоговые отчисления со всей суммы Вашей заработной платы или только с ее части?». Среди возможных ответов: «Работодатель вообще не платит налог», «Платит только с части зарплаты».

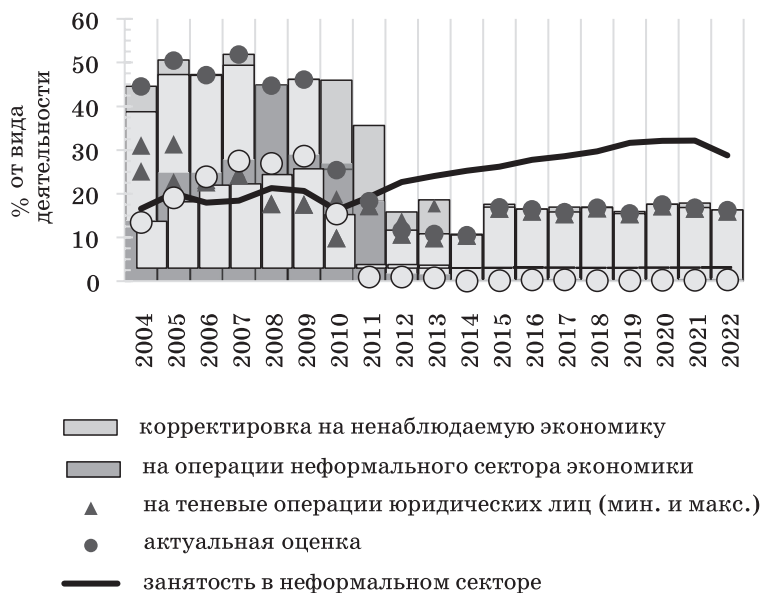

Рис. 6. Винтажные данные корректировок ВДС и занятости в неформальном секторе по разделу ОКВЭД «Гостиницы и рестораны»

Fig. 6. Vintage data on GVA adjustments and employment in the informal sector by type of activity accommodation and food service activities

спондентов (репрезентируют 481,7 тыс. чел.); без оформления документов заняты 23 респондента (взвешенные 2,9 тыс. чел.). В части уплаты налогов выборка демонстрирует: 3032 респондента (433,9 тыс. чел.) сообщили о полном удержании налога работодателем; 114 респондентов затруднились с ответом (16,7 тыс. чел.); вопрос пропущен 41 наемным работником (5,8 тыс. чел.); 3 респондента (0,5 тыс. чел.) сообщили о частичном уклонении работодателя; 1 респондент — о полном уклонении от уплаты налога. Таким образом, данные Белстата могут свидетельствовать либо о редкой занятости без оформления и редких попытках уклонения от уплаты налога в Республике Беларусь (менее 0,5% от числа занятых в выборке), либо о высокой доле ложных ответов, полученных государственными интервьюерами¹.

Кроме того, микроданные Росстата позволяют оценить численность незарегистрированных самозанятых (рис. 8) на основании специального вопроса (код «USLRAB»)². Отметим, что оценка незарегистрированной самозанятости может быть занижена, с одной стороны, из-за дизайна анкеты ОРС, которая допускает, что занятые «в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица (ИП), на предприятии индивидуального предпринимателя» могут определять собственное дело как зарегистрированное юридическое лицо (!).

¹ Отметим, что в рамках «Всемирного исследования ценностей» в Беларуси фиксируется сопоставимый с РФ уровень готовности оправдать неуплату налогов. В свою очередь в РФ (по расчетам на микроданных РМЭЗ ВШЭ) уклоняются от уплаты налогов не менее 11% занятых на предприятиях.

² На наш запрос Росстат сообщил, что «статистическая информация по переменным uslrab, uslrab_vt, vosnrb не формируется и не предоставляется». Вместе с тем материалы вопроса используются, например, для оценки объема «незарегистрированной деятельности» (см. Приказ Росстата от 20.12.2023 № 668).

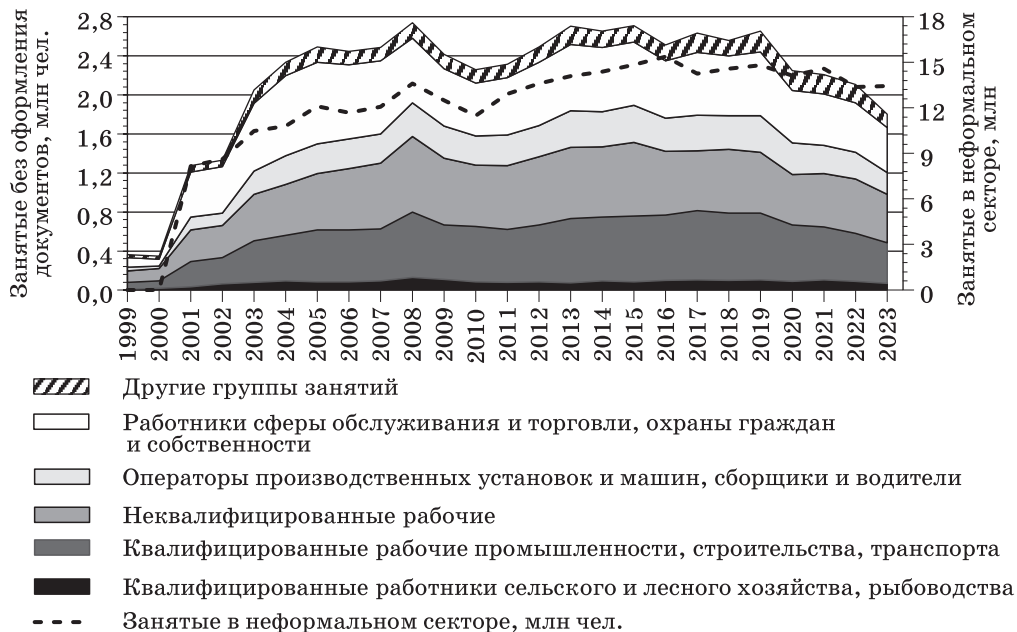

Рис. 7. Динамика численности работающих, занятых на основе устной договоренности, по основным группам занятий¹

Fig. 7. Dynamics of the number of employees working based on verbal agreements in their main job, by major occupational groups

¹ Группы занятий по основному месту занятости. Оценки с 2010 по 2023 г. рассчитаны авторами на основании публичных микроданных ОРС (размещенных на официальном сайте Росстата <https://rosstat.gov.ru/> в рубрике: Трудовые ресурсы, занятость и безработица / Занятость и безработица / Микроданные выборочных обследований). Оценки с 1999 по 2009 г. были предоставлены Росстатом в ответ на наш запрос.

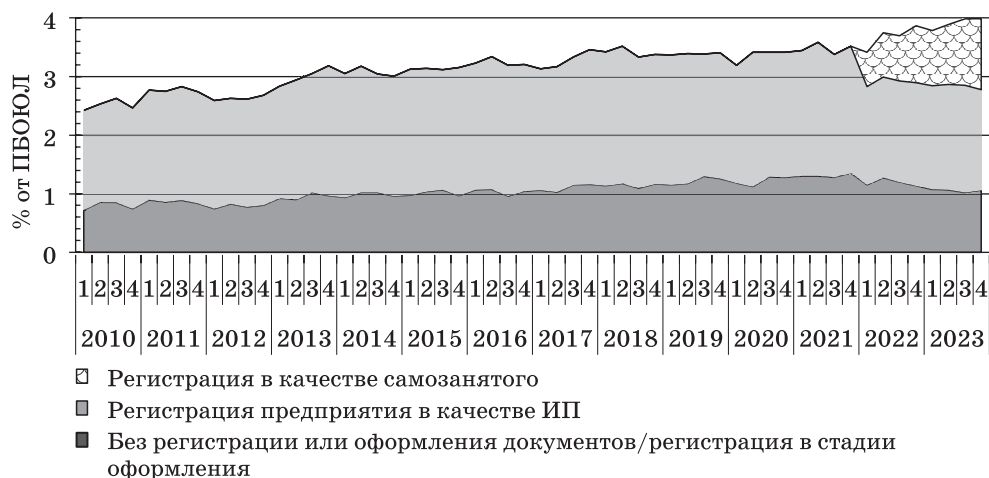

Рис. 8. Динамика незарегистрированных самозанятых и ИП

Fig. 8. Dynamics of unregistered self-employed individuals and sole proprietors

С другой стороны, факт исключения из микроданных ОРС вопросов о «качестве» занятости респондента и о регистрации самозанятых и индивидуальных предпринимателей на втором месте занятости также может влиять на оценку.

Вопрос о занятости на основании устной договоренности (без оформления документов) задается не только в рамках ОРС, но и в ряде других обследований Росстата, в частности: Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением (ВНИСФВ). Расчетные оценки доли неоформленных работников от числа ответивших на соответствующий вопрос представлены на рис. 9.

Серьезное расхождение в оценках доли неоформленных наемных работников, вероятно, связано с доступностью респондентов. Методологически ОРС Росстата допускает, что «ответы на вопросы Анкеты могут быть получены как от самого респондента, так и со слов совместно проживающих членов домашнего хозяйства в случае отсутствия респондента в момент опроса» (см. п. 49 приказа Росстата № 707 от 29.12.2023). На наш запрос Росстат сообщил, что в 2023 г. доля ответов на вопросы анкеты ОРС, предоставленных самими респондентами, составила 70,7%, а от совместно проживающих — 29,3%. При этом статистика отказов респондентов от ответа не ведется¹. Отметим, что

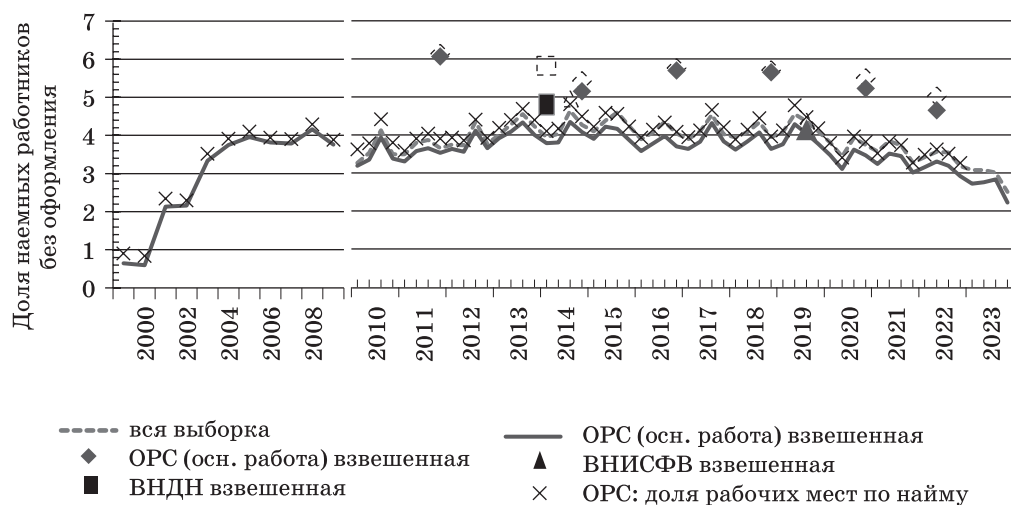

Рис. 9. Динамика доли занятых без оформления по данным обследований Росстата
Fig. 9. The dynamics of the share of unregistered workers according to Rosstat surveys

Примечание: *Источники:* Доля наемных работников, занятых на основе устной договоренности, за 1999–2009 гг. рассчитана авторами на основе статистической информации, предоставленной Росстатом в ответ на запрос (см. репозиторий). С 2010 по 2023 г. расчеты произведены авторами на основе публичных микроданных ОРС Росстата. Результаты по ВНДН, КОУЖ, ВНИСФВ указаны по кварталу проведения обследований.

¹ Отметим, что в аналоге ОРС Бюро статистики труда США — «Current Population Survey» на 120 тыс. наблюдений приходится 12–13 тыс. отказов. Кроме того, до 18 тыс. заполненных анкет не содержат сведений об уровне образования и статусе занятости. Вероятно, российские респонденты также достаточно часто отказываются от интервью и(или) затрудняются с ответами. На наш запрос Росстат ответил, что в ряде случаев, например в ВНДН, применяется «процесс импутации частичных ответов респондентов другими значениями».

в публичных микроданных ОРС не предусмотрена идентификация «прокси»-ответов. По нашим расчетам на основании микроданных КОУЖ, доля занятых без оформления среди ответивших лично ниже во всех волнах обследования с 2011 по 2022 г. (кроме 2020 г.).

Наконец, особенностью ОРС является ориентация на законные виды деятельности и профессии, а также исключение «коллективных и институциональных заведений» и временных жителей домохозяйства. На практике это выражается в том, что ОРС «видит» в год не более 0,5 млн иностранных граждан, не имеющих гражданства России, и до 0,2 млн иностранцев, получивших гражданство России. В то же время, по данным Росстата, численность «международных трудящихся-мигрантов» на 2019 г. составляла 2,7 млн чел., в то время как, по данным ФСБ (см. ЕМИСС), границу России для целей работы в квартал пересекали не менее 0,7 млн иностранцев (за исключением 2020 г.). Так, в первом и втором кварталах 2023 г. только *прибыло* более 1,2 млн чел. В то же время в ОРС *общее число проживающих* в РФ иностранцев в этот период оценивалось в 0,5 млн чел. Отметим, что это общая особенность обследований Росстата¹. Наконец, частично ограниченное покрытие обусловлено исключением из выборки коллективных домашних хозяйств, а также прямым исключением лиц, «времененно (до 1 года) находящихся на территории страны» (см. п. 11 приказа Росстата от 29.12.2023 № 707).

Кроме того, макроэкономические показатели РФ не включают нелегальные, незаконные виды деятельности, даже если они соответствуют производственным границам СНС. Например, занятые без лицензии таксисты включены в статистику труда и по возможности в статистику оказания услуг, так как незаконными являются только их условия оказания услуги, но не сама услуга и профессия. Однако услуги, незаконные по своей природе, например, коммерческие сексуальные услуги, исключаются из учета. Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ), основанный на МСКЗ², не допускает прямую классификацию незаконных видов занятий. Таким образом, единственной национальной метрикой, косвенно охватывающей не только незаконные условия хозяйственной деятельности, но и незаконные блага, является балансовая статистика ненаблюдаемых доходов.

Выводы

Таким образом, в работе рассмотрены методологические особенности расчета показателей, используемых в качестве индикаторов «неформальной» и (или) «теневой» экономики. Показатели корректировок на ненаблюдаемую экономику приближены к конвенциональному статистическому определению теневой и ненаблюдаемой экономики, однако они лишены регионального разреза, исключают незаконную деятельность, и граница между неформальными и теневыми операциями не всегда очевидна в рамках существующей методологии. Кроме того, оценки ненаблюдаемой деятельности подвергались пересмотрам, как в части структуры,

¹ Во Всероссийской переписи населения ВПН-2010 общее число иностранных граждан оценивалось в 765,6 тыс., а в ВПН-2020 с учетом двух гражданств — до 592 тыс. ВПН допускает отказ от ответа, которым воспользовались в ВПН-2010 до 4,1 млн чел., а в ВПН-2020 — до 12,8 млн чел.

² МСКЗ-08 прямо указывает, что работники, предоставляющие сексуальные услуги на коммерческой основе, как правило, а priori исключаются из статистики труда, так как по причине незаконности «отсутствует потребность в информации о лицах, оказывающих такие услуги» (п. 150 МСКЗ-08).

так и в части вклада в ВВП. Собранные винтажные данные¹ демонстрируют, что оценки ненаблюдаемой экономики могут колебаться в разных ревизиях до 4,4% ВВП. При экстраполяции федеральных корректировок на уровень субъектов такие пересмотры могут превышать 20% ВВП. Оценки «скрытой», «ненаблюдаемой прямыми статистическими методами» оплаты труда, с одной стороны, наиболее близки к «несообщенной» (англ. unreported), «неучтенной» (англ. unrecorded) экономике, так как содержат расхождения между расходами и доходами домашних хозяйств. Однако они подвержены значительным пересмотрам и не содержат разбивку по видам деятельности и регионам. Наконец, группа показателей занятости в неформальном секторе, разработанные Росстатом, имеют наибольшую детализацию, но критерии неформального сектора оказываются непригодными даже для смежной статистики национальных счетов. Кроме того, они не могут адекватно отражать «криминальную» и «реципрокную» экономику и уклонение от налогов. Концептуальные границы «неформальной занятости», предложенные Росстатом в контексте индикаторов ЦУР, противоречат сложившемуся на мировом уровне пониманию неформальности.

Парадоксально, но опубликование Росстатом в 2023 г. методологии оценки ненаблюдаемой экономики создает больше вопросов, чем ответов. Противоречия обостряются при сопоставлении российских методологий и процесса пересмотра рекомендаций на международном уровне, где новации 21-й МКСТ и предложения рабочей группы по СНС-2025 продолжают прорабатывать отличные от российских критерии неформальности в категориях «неформальной экономики» и «неформальной работы». Наконец, перспективные оценки занятости на основании устной договоренности (без оформления) и незарегистрированной предпринимательской деятельности без образования юридического лица публикуются ограниченно либо не публикуются вовсе. Эти оценки могут быть серьезно занижены не только из-за нечестности респондентов, но и из-за методологических подходов ОРС. В частности, закрытие статистических выкладок по вопросу ОРС об условиях удержания налоговых отчислений, исключение вопроса об условиях оформления (в виде трудового договора) в микроданных ВНДН ограничивает и без того скудные официальные данные о теневой занятости и теневой экономике.

Благодарности

Выражаем благодарность Федеральной службе государственной статистики за предоставленные методологические комментарии и материалы статистики. А также сотрудникам Национального статистического комитета Республики Беларусь и, в частности, Начальнику Главного управления статистики труда И. В. Бондаренко, за предоставление данных ОРС.

Литература

1. Аброскин А. С., Аброскина Н. А. Методология и практика измерения теневой деятельности в экономике Российской Федерации. РАНХиГС. М. : Дело, 2021. 107 с.
2. Бузова Н. В. Об изучении теневой и нелегальной деятельности за рубежом // Вопросы статистики. 2006. № 6. С. 14–20.
3. Вередюк О. В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 4. С. 33–48.

¹ Все использованные в работе винтажи, оценки численности занятых и данные микровыборки Белстата доступны по адресу: [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/orobchenko/vintage-data-of-Rosstat-shadow-economy-estimates> (дата обращения: 15.11.2024).

4. Воробьева О.Д. О подходах к определению скрытой занятости населения (на основе балансов трудовых ресурсов за 2015 год) // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 8. С. 36–42.
5. Гимпельсон В.Е., Глиссин Ф.Ф., Жарова А.И. Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России. М. : ТЕИС, 2003. 175 с.
6. Елисеева И.И., Щирина А.Н., Капралова Е.Б. Измерение теневой экономической деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 269 с.
7. Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт: что и как мы измеряем // ЭКО. 2012. № 4. С. 86–103.
8. Зубаревич Н.В. «Лукавые цифры» на карте Родины // ЭКО. 2012. № 4. С. 74–85.
9. Иванов Ю.Н. К вопросу о включении в ВВП оценки нелегальной деятельности // Вопросы статистики. 2014. № 3. С. 46–48.
10. Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство / Орг. экон. сотрудничества и развития. М. : Статистика России, 2003. 295 с.
11. Карасева В.Л., Алексеев А.Р. Об оценках незаконной деятельности на основе концепций системы национальных счетов // Вопросы статистики. 2006. №. 1. С. 3–18.
12. Краснова О.М. Валовой региональный продукт как макроэкономический измеритель региональной экономики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2016. № 2. С. 22–29.
13. Левит С.Р. Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования ее оценок // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 20–23.
14. Масакова И.Д., Ульянов И.С. [и др.] Общий объем производства (работ, услуг) по отраслям экономики с учетом скрытой и неформальной деятельности // Методологические положения по статистике. Вып. 2. М. : Моск. изд. дом и др., 1998. 244 с.
15. Невзорова Е.Н. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 464–478.
16. Печерица Е.В. Теоретические подходы к определению теневой экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 12 (495). С. 2325–2344.
17. Противодействие теневой экономике и определение ее масштабов: отечественный и зарубежный опыт (теория и практика) / В.Ю. Буров, Н.К. Алиев, М.С. Кязимов. Чита : Забайкальский государственный университет, 2020. 337 с.
18. Рябушкин Б.Т. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М. : Финансы и статистика, 2003. 144 с.
19. Самсонов В.А. Оценка вклада теневой экономики в макроэкономические показатели регионов Российской Федерации // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14. № 1 (43). С. 68–85.
20. Сквозников В.Я., Азаренкова Н.В. Проблемы оценки теневой экономики // Вопросы статистики. 2001. № 12. С. 18–22.
21. Скоков Р.Ю. Развитие методологии статистического анализа рынков аддитивных благ // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 63–69.
22. Социальное развитие СССР : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1990. 398 с.
23. Статистика СНГ. Статистический бюллетень / Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ). 2023. № 1 (569).
24. Суринов А.Е., Косарев А.Е., Глиссин Ф.Ф. Ненаблюдаемая экономика: попытка количественных измерений. М. : Финстатинформ, 2003. 256 с.
25. Цепелев О.А., Сериков С.Г., Колесникова О.С., Какаулина М.О. Ненаблюдаемая экономика: региональный аспект. М. : Наука, 2021. 110 с.
26. Черемисина Н.В. Ненаблюдаемая экономика региона: методологические проблемы статистического измерения : монография. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2006. 303 с.
27. Carson C.S. The Underground Economy: An Introduction // Survey of current business. 1984. Vol. 64. N 5. P. 21–37.
28. Carson C.S. The Underground Economy: An An Introduction (end) // Survey of current business. 1984. Vol. 64. N 7. P. 106–119.
29. Fernandes A. The non-observed economy in the national accounts //A. Fernandes. HIVA-KULeuven. 2022. 54 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://hiva.kuleuven.be/en/news/docs/working-paper-the-non-observed-economy-in-the.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

30. *Gutmann P. M.* The Subterranean Economy // *Financial Analysts Journal*. 1977. Vol. 33. N 6. P. 26–27.
31. *Kuznets S.* National Bureau of Economic Research, United States. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, and United States. Congress. Senate. National Income, 1929–1932. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1934. [Электронный ресурс]. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/971> (дата обращения: 20.01.2024).
32. *Soloveichik R.* Including illegal activity in the us national economic accounts. US Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bea.gov/index.php/system/files/papers/WP2019-4_6.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
33. Summary of the OECD survey on measuring the non-observed economy // Working Party on National Accounts. OECD, Paris. 2012. 43 p. [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/WPNA\(2012\)21/En/pdf](https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/WPNA(2012)21/En/pdf) (дата обращения: 20.01.2024).
34. United Nations. UNECE. Non-observed Economy in National Accounts: Survey of National Practices. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/DAM/stats/publications/NOE2008.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

Об авторах:

Печерица Елена Васильевна, доцент кафедры экономической безопасности факультета бизнеса, таможенного дела и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; helene8@yandex.ru

Оробченко Даниил Михайлович, аспирант кафедры экономической безопасности факультета бизнеса, таможенного дела и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); unecon@orobchenko.ru

Acknowledgments. We express our gratitude to the Federal State Statistics Service for providing methodological comments and statistical materials, as well as to the staff of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, particularly to the Head of the Department of Labor Statistics, I. V. Bondarenko, for providing the LFS data.

References

1. *Abroskin A. S., Abroskina N. A.* Methodology and Practice of Measuring Shadow Activity in the Economy of the Russian Federation. Moscow : Delo, 2021. 107 p. (In Russ.)
2. *Burova N. V.* On Studying Shadow and Illegal Activities Abroad // *Voprosy statistiki*. 2006. N 6. P. 14–20. (In Russ.)
3. *Veredyuk O. V.* Informal employment: structure and risk determinants in Russia // *St Petersburg University Journal of Economic Studies [Vestnik of Saint Petersburg University. Economics.]* 2016. N 4. P. 33–48. (In Russ.)
4. *Vorob'eva O. D., Topilin A. V., Chukhnin V. S.* On Approaches to the Definition of Hidden Employment (Based on Labour Force Balances for 2015) // *Voprosy statistiki*. 2018. Vol. 25. N 8. P. 36–42. (In Russ.)
5. *Gimpelson V. E., Glissin F. F., Zharova A. I.* Issues of Quantitative Assessment of Indicators of Unobservable Economy in Russia. Moscow : TEIS, 2003. 175 p. (In Russ.)
6. *Eliseeva I. I., Shirina A. N., Kapralova E. B.* Measuring Shadow Economic Activities. Saint Petersburg State University of Economics and Finance. Department of Statistics and Econometrics. Saint Petersburg : Publishing House of SPbSUEF, 2003. 269 p. (In Russ.)
7. *Zaitseva Yu. S.* Gross Regional Product: What and How We Measure // *ECO*. 2012. N 4. P. 86–103. (In Russ.)
8. *Zubarevich N. V.* “Deceptive Figures” on the Map of the Homeland // *ECO*. 2012. N 4. P. 74–85. (In Russ.)
9. *Ivanov Yu.* On the issue of including the assessment of illegal activity into the GDP // *Voprosy statistiki*. 2014. N 3. P. 46–48. (In Russ.)
10. *Measuring the Non-Observed Economy: A Handbook*, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264175358-en>.

11. Karaseva V. L., Alexeev A. R. On Estimates of Illegal Activities Based on the Concepts of the System of National Accounts // *Voprosy statistiki*. 2006. N 1. P. 3–18. (In Russ.)
12. Krasnova O. M. Gross Regional Product as a Macroeconomic Measure of Regional Economy // *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*. 2016. N 2. P. 22–29. (In Russ.)
13. Levit S. Non-observed economy: practice, issues and improvement directions for its measurement // *Voprosy statistiki*. 2014. N 6. P. 20–23. (In Russ.)
14. Masakova I. D., Ulyanov I. S. et al. Total Production Volume (Works, Services) by Economic Sectors Considering Hidden and Informal Activities // *Methodological Provisions on Statistics*. Is. 2. Moscow : Moscow Publishing House, et al., 1998. 244 p. (In Russ.)
15. Nevzorova E. N. Spatial Interactions and Patterns of Shadow Economy Spread in Russia // *Economy of the Region*. 2020. Vol. 16. N 2. P. 464–478. (In Russ.)
16. Pecheritsa E. V., Nadezhina O. S., Golovkina S. I. Theoretical Approaches to Defining the Shadow Economy // *Regional Economics: Theory and Practice*. 2021. Vol. 19. N 12 (495). P. 2325–2344. (In Russ.)
17. Counteracting the Shadow Economy and Determining its Scale: Domestic and Foreign Experience (Theory and Practice). Chita, 2020. 337 p. (In Russ.)
18. Ryabushkin B. T. Methods of Estimating the Shadow and Informal Sectors of the Economy. Moscow : Finance and Statistics, 2003. 144 p. (In Russ.)
19. Samsonov V. A., Seitov S. K. Assessment of the contribution of the shadow economy to the macroeconomic indicators of the regions of the Russian Federation // *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2022. Vol. 14. N 1 (43). P. 68–85. (In Russ.)
20. Skvoznikov V. Ya., Azarenkova N. V. Problems of Assessing the Shadow Economy // *Voprosy statistiki*. 2001. N 12. P. 18–22. (In Russ.)
21. Skokov R. Yu. Development of the methodology for statistical analysis of markets for addictive goods // *Voprosy statistiki*. 2016. N 5. P. 63–69. (In Russ.)
22. Social Development of the USSR: Stat. collection / State Committee of the USSR for Statistics, Information and Publishing Center. Moscow : Finance and Statistics, 1990. 398 p. (In Russ.)
23. Statistics of the CIS. Statistical Bulletin of the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States (CIS). N 1 (569), 2023. (In Russ.)
24. Surinov A. E., Kosarev A. E., Glissin F. F. Unobservable Economy: An Attempt at Quantitative Measurements. Moscow : Finstatinform, 2003. 256 p. (In Russ.)
25. Tsepelev O. A., Serikov S. G., Kolesnikova O. S., Kakaulina M. O. Unobservable Economy: Regional Aspect. Moscow : Science, 2021. 110 p. (In Russ.)
26. Cheremisina N. V. Unobservable Economy of the Region: Methodological Problems of Statistical Measurement: Monograph. Samara : Samara State Economic University, 2006. 303 p. (In Russ.)
27. Carson C. S. The Underground Economy: An Introduction // *Survey of current business*. 1984. Vol. 64. N 5. P. 21–37.
28. Carson C. S. The Underground Economy: An An Introduction (end) // *Survey of current business*. 1984. Vol. 64. N 7. P. 106–119.
29. Fernandes A. The non-observed economy in the national accounts // A. Fernandes. HIVA-KULeuven. 2022. 54 p. [Electronic resource]. URL: <https://hiva.kuleuven.be/en/news/docs/working-paper-the-non-observed-economy-in-the.pdf> (accessed: 20.01.2024).
30. Gutmann P. M. The Subterranean Economy // *Financial Analysts Journal*. 1977. Vol. 33. N 6. P. 26–27.
31. Kuznets S., National Bureau of Economic Research, United States. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, and United States. Congress. Senate. National Income, 1929–1932. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1934 [Electronic resource]. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/971> (accessed: 20.01.2024).
32. Soloveichik R. Including illegal activity in the us national economic accounts. US Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, 2019 [Electronic resource]. URL: https://www.bea.gov/index.php/system/files/papers/WP2019-4_6.pdf (accessed: 20.01.2024).
33. Summary of the OECD survey on measuring the non-observed economy // Working Party on National Accounts. OECD, Paris. 2012. 43 p. [Electronic resource]. URL: [https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/MPNA\(2012\)21/En/pdf](https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/MPNA(2012)21/En/pdf) (accessed: 20.01.2024).
34. United Nations. UNECE. Non-observed Economy in National Accounts: Survey of National Practices. 2008 [Electronic resource]. URL: <https://unece.org/DAM/stats/publications/NOE2008.pdf> (accessed: 20.01.2024).

About the authors:

Elena V. Pecheritsa, Associate Professor of the Department of Economic Security at the Faculty of Business, Customs Affairs, and Economic Security, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences, assistant professor; helene8@yandex.ru

Daniil M. Orobchenko, postgraduate student of the Department of Economic Security at the Faculty of Business, Customs Affairs, and Economic Security, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); unecon@orobchenko.ru